

РУСЛАН ГАЛЕЕВ

7 мая 2015 года. Москва.

ComfortMedia

Цена 5 коп.

КОВЧЕГ

Максим Holler,
хозяин "Holly
Holler"

У меня были серьезные проблемы с бандитами. Однажды пришли парни в кожаных куртках и стали ломать мебель. Они даже ничего не сказали, просто вошли и начали все крушить. Я выскочил, попытался их остановить. Тогда один из них достал пистолет, приставил мне к голове и сказал: «Теперь ты платишь, «Циркачам», понял?» Я сказал, что понял. Те, кто жил в Вознесенеке 90-х, помнят о «Циркачах». Банда катков, все бывшие спортсмены, они зависали большую часть времени в каталке рядом с цирком. Но платить приходилось не только им. «Циркачи» были моей крышей, но прикрывали только от других бандитов. А были еще менты, санитарно-

станция, налоговая... Не мудрено, что клуб продержался всего два года. Хотя по тем временам и это было немало.

Монк, басист
«Kwon», «Broken
Flowers»

Тогда много чего открывалось. В основном, если вы видели дверь под яркой вывеской, следовало брать ноги в руки и валить оттуда подолбру-подзорову, потому что, скорее всего, за дверью сидели бандюги в красных поджаках, с похожими на гробы мобилинками и голдой на бычьих плечах. Бандюги

Святой вопль королей

Узкие, грязные улицы. Похоже, их не убирали со времен Второй Мировой войны. Однотипные пятиэтажки, ржавые гаражи во дворах. Огромное количество фабрик и заводов, большая часть - не работает.

Жизнь у людей - серые, глаза злые. Каждое утро они идут на работу, а вечером возвращаются с работы. Той же дорогой, изо дня в день. Дешевый алкоголь здесь самый ходовой товар. А в воздухе столько яда, что люди начинают задыхаться от избытка кислорода, выбравшись из городской черты.

Это может быть Ливерпуль 60-х, Манчестер 70-х, Дублин 80-х, или Сидней 90-х. Обычная родина рок-н-ролла. Не важно, в какой дыре она находится в этот раз, главное, что жить там невозможно. И от того, что люди все-таки выживают в этом аду - становится так тревожно, что тянет завтыть на луну. Или воткнуть шнур в комбик и взорвать этот мир направленной волной звука.

Вознесенск, город, который называли Red Manchester. Индустриальная преисподняя откинувшего копыта СССР, погребенная под обломками гигантов текстильной промышленности, нафосными осколками умершего режима и всем тем, что вылетало из-под гусеничных траков национальных катастрофы по имени Perestroika. Индустриальный и экономический крах, безра-

Руслан Галеев

Ковчег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42225555

Аннотация

История взлета культовых Broken Flowers – первой и единственной российской рок-группы, прогремевшей на весь мир и вписавшей свое имя в мировой пантеон рок-героев. Секс, наркотики, любовь, музыка, драйв.

Содержание

Часть 1	14
Часть 2	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Руслан Галеев

Ковчег

*«Смертного рок у тебя, а желание твоё не для
смертных».*

Публий Овидий Назон

Июль 2015, Рочестерский плацдарм, Великобритания

Я знал одного капеллана по имени Куст. Еще до Британской кампании. Помимо нелепого имени, он был интересен тем, что таскал в своей лысой голове много умных слов. Так вот, однажды он сказал: «Бог не знает милосердия. У него нет на это времени. Он знает только справедливость». Я ему ответил тогда, что не уверен в существовании Бога. Отец Куст застегнул ширинку, – а мы как раз оправлялись, пользуясь недолгой остановкой во время очередного марш-броска, – и сказал: «Поверь мне, сын мой, меньше всего Богу есть дело до людских суеверий».

Такой вот был забавный капеллан. Его ранили под Осло. Прострелили шею. Но он выжил и отправился домой. Везучий сукин сын.

Я не вспоминал о том разговоре до битвы под Рочестером. Воевал, убивал, калечил, был легко ранен: на войне как на войне. Но когда сорок два черных вертолета пересекли Ла-Манш, я вспомнил капеллана. Потому что с марсельского

аэродрома взлетело семьдесят семь черных вертолетов с солдатами Объединенной Армии. Тридцать пять из них рухнули на моих глазах в ледяную воду. Вместе с пилотами, офицерами, моими братьями по оружию, их надеждами и их суевериями. 35 – красивое число.

И вот мы сели. Сержант с не менее нелепым именем Благо стоит надо мной и кричит: «А ну-ка взял свою задницу и вытащил ее из вертолета, солдат!» И пальцем мне в глаза тычет, мудила. А я не струсил, я просто слегка устал, задумался о Боге и вдруг понял, что мне чертовски хочется жить. Но Благо орет, мимо бегут мои друзья, а Ла-Манш за спиной – тих и как будто бы даже ленив, словно и не он только что сожрал 35-ть боевых машин вместе с камуфлированной мясной начинкой.

Пришлось схватить мой «сорок восьмой» и выскочить под ослепительное небо Рочестера.

Прямо в ад. Под огонь станковых пулеметов Объединенного Фронта. Мы были авангардом Британской кампании. А Рочестер – незначительным этапом этой войны.

Когда четырнадцать пулеметов стремятся вынуть твою душу и отправить ее к справедливому, но немилосердному Богу, ты бежишь и не присматриваешься к достопримечательностям. Бежишь, куда глаза глядят, и думаешь, что раз уж пришлось вытащить свою задницу из вертолета, то было бы неплохо сохранить ее для будущего.

Кто-то схватил меня за шкуру и стащил с дороги.

Мой дружок Букса. Для истории правильнее назвать его рядовой Дэви Бакхеймер. Но вообще-то никто и никогда его так не называл.

Букса – самый дерьмовый в этом мире стрелок. Он и в танк с трех шагов не попадет. Но если вам потребуется этот танк поднять и зашвырнуть на ту сторону Ла-Манша, – эта работенка как раз для моего дружбана Буксы. В том смысле, что он силен, как мамонт. Огромный, сильный, довольно уродливый и самый добрый сукин сын на планете. Ну и еще он слегка туповат, разумеется. А вы много встречали в своей жизни умных и бескорыстно добрых людей? Я – нет.

Так вот, Букса взял меня за шкуру, поднял над землей и бросил на пару метров. Не через Ла-Манш, конечно, но приложился я крепко, и это окончательно привело меня в чувство.

Я очнулся за кирпичной оградой высотой в метр с небольшим, и прямо надо мной танцевала на ветру ветка жимолости. Справа лежал огромный Букса, слева – чувак по прозвищу Пуля. Интернациональное братство солдатни, лежащей под шквальным огнем станковых пулеметов. За спиной Пули около пятидесяти парней вжимались в кирпичную кладку изгороди, и каждый из них надеялся сохранить свою задницу для потомков.

Мой дружбан Букса родом из города Намюр. Это в Бельгии. А Пуля из Москвы, это в России. Кстати, если вам потребуется прострелить монету с расстояния в хрен знает

сколько метров, – обращайтесь к Пуле. Потому что он натуральный мастак по таким делам, а еще Пуля – мой второй дружан. Нас трое, всегда и везде.

Что касается меня, то я родился в Белоруссии, в три года меня перевезли в Чехию, учился я Финляндии, а перед войной получил вид на жительство в Германии. Среди пятидесяти рейнджеров роты «Динго», валяющихся под кирпичной оградой, есть литовцы, русские, поляки, французы, немцы, бельгийцы, испанцы, норвежцы, арабы-шииты, арабы-суниты и даже два монгола. Если бы меня спросили, я бы сказал, что знаменем ОА должен быть любой из рекламных баннеров «Беннетона». Беда в том, что это знамя легко подошло бы и Объединенному Фронту. А также еще минимум десяти армиям, с которыми ОА пришлось столкнуться в течение последних двух лет.

– Тебя где носило? – гаркнул мне в самое ухо Пуля. А я с трудом его расслышал, потому что, поверьте, когда одновременно работают четырнадцать пулеметов с одной стороны, а пятьдесят М-48 отвечают им с другой – становится довольно шумно.

– С сержантом Благо общался!

– Сказал ему, чтобы шел в жопу?

– Не успел. Но в следующий раз – непременно!

– А у нас тут весело. Заметил – пушки молчат? И минометы...

Я прислушался. Не то чтобы я сильно скучал по артилле-

рии противника. Пара десятков минометов похоронила бы две трети авангарда ОА за пару десятков залпов. Я уж не говорю о гаубицах. Но это было бы логично. А когда на войне что-то идет вопреки ее собственной логике, прячь голову в задницу и жди неприятностей.

Сержант Благо выскакивает из-за помятого куста жимолости и, пригибаясь, бежит к нам.

– Твою мать, если он поднимет нас в атаку, я его лично пристрелю на хрен, – хрипит мне в ухо Пуля.

Благо доползает до ограды, садится через Буксу от меня и смотрит на часы. Потом передает по цепи: готовиться к атаке, приказано взять завод.

Пуля обреченно опускает голову.

Между изгородью и заводом – редкий лес, а с заводской водонапорной башни и с крыши одного из цехов лупят два из четырнадцати пулеметов. Это проклятый тир! Пятьдесят рейнджеров будут у них, как на ладони, они лягут в этом лесочке, чтобы медленно гнить под шепот Ла-Манша. Почему медленно? Потому что это Англия, тут холодно.

Благо передергивает затвор своего «сорок восьмого», снова смотрит на часы и вскакивает. Ну не мудила?

Атака!

Слева от меня бежит, вжав голову в плечи и матерясь сквозь сжатые зубы тощий Пуля, впереди скачет сайгаком сержант Благо, справа топает немец Удо. Между нами пролетают пули, комья земли, щепки и сбитые пулеметным огнем

ветки деревьев, а выше, за испуганно вздрагивающими тополинами кронами, сереет холодное небо Рочестера, подернутое легкой дымкой августовских сумерек. Что-то шаркнуло по моей каске. В лицо ударило красным, и сержант Благо с простреленной головой упал мне прямо под ноги. Мы с Пулей синхронно перескочили через его тело и побежали дальше. Прости, мудила, тебя похоронят другие. Если мы добежим. А если не добежим, – читай несколькими абзацами выше, – ты будешь медленно гнить.

В тот день Рочестерский лес был нашпигован сталью, она была в земле, в воздухе, в стволах деревьев, в трупах и даже в другой стали. А мы могли только бежать и надеяться, что нам повезет чуть больше тех, кому уже не повезло.

Те, кто стрелял по нам в тот момент, не выцеливали кого-то конкретного. Они судорожно палили по лесу и тоже надеялись. На то, что никто из нас не добежит и не начнется прицельный огонь, когда люди, наконец, увидят, в кого стреляют, кого убивают и кто убивает их.

Было тихо... Стреляли пулеметы и «М-48», матерились солдаты, орали раненные, кто-то звал санитаров, кто-то надрывно молился, остальные кричали просто так, нечленораздельно, потому что невозможно было не кричать. Но в тоже время было очень тихо. Звуки переплетались и срастались, превращались в единый белый шум, который легко перекрывало мое дыхание и стук моего сердца. О, эта особая тишина войны, космический вакуум ужаса, поглощающий все про-

чие звуки...

Лес кончился внезапно, как будто кто-то отдернул штору. Серое небо взмыло в вышину, и вот мы уже бежим через открытое пространство. Десять метров свинцового цвета, свинцового привкуса, звучащие, как свинец.

Я с разбегу бросаюсь под бетонные плиты забора, вжимаюсь в мокрую грязь и оглядываюсь. За эти несколько секунд опушка Рочестерского леса поредела еще больше и приобрела заметный бурый оттенок.

– Мать твою, а? – хрипит Пуля, переваливаясь на спине. – Я потерял на хрен подсумок! Есть патроны?

Я, молча, тянусь к своему подсумку, но в кадре вдруг появляется огромная лапа Буксы с двумя магазинами на ладони.

– Дуга убили, – кричит Букса.

Я киваю.

– Сержанта тоже. А ты где был?

– Нигде. Бежал прямо за вами.

– Вот, мать твою, – хрипит Пуля, перезаряжая свой «сорок восьмой». – Ненавижу это дерьмо! Ненавижу!

Вдоль забора ползет какой-то незнакомый сержант.

– Вы кто такие?

– Рота «Динго», сержант, – отвечает Пуля.

– Кто? Какого хрена вы здесь делаете? «Динго» должны была штурмовать ворота.

– Черт, – Пуля смотрит в одну, потом в другую сторонку. –

А где эти ворота?

— На юг, метров двести.

— А юг где?

Сержант показывает рукой — там.

Мы ползем вдоль стены на юг. Мы, это я, Букса, Пуля, Умник, Глазунья и Курок. Шесть пехотинцев, добежавших до стены совсем не там, где следовало. Как же это произошло? Да легко! Может, сержант Благо неправильно сориентировался, может, лес повел нас не в ту сторону, а может, карты оказались неправильными. Да и неважно это. Из пятидесяти парней, с которыми мы какие-то жалкие минуты назад прятались от огня пулеметов за оградой из красного кирпича, прикрытые ветками жимолости и серым рочестерским небом, рядом со мной только шестеро, и, возможно, остальные не добежали.

Наконец мы находим заводские ворота. Точнее, место, где они раньше стояли. Саперный бог здесь славно повеселился, позавтракав неровным куском стены. Сами железные створы, искореженные и смятые в ржавый ком, отнесло метров на десять во двор.

Но это не спасло нашего братишку Кукушонка, который лежал тут же, слева от прорехи, глядя мертвыми глазами цвета грифельного карандаша в далекое серое небо, немилосердное, но справедливое. Кто-то забрал его оружие, снял жетоны, вытащил из карманов документы. Я протянул руку и закрыл бедолаге глаза. Если повезет, мы вернемся и всех

похороним. А если не повезет – читай несколькими абзацами выше.

Но нам не повезло. Пока мы ползли к воротам, остатки роты «Динго» уже сняли пулеметное гнездо, и все, что нам оставалось, когда мы их нагнали – это сесть в захваченные заводские грузовики и отправиться дальше по дорогам войны. Чтобы больше никогда сюда не возвращаться. Ни за Благо, ни за Кукушонком.

Оказалось, этот небольшой Рочестерский завод производил корабельное масло. Он не был стратегическим объектом, он почти никого не интересовал, так что охрана состояла из обычной пехоты да четырнадцати старых, давно не стрелявших станковых пулеметов. Ни минометов, ни артиллерии, ни минных заградительных полей. И я понятия не имею, почему на всех наших картах он значился страшным боевым словом «плацдарм».

И вот мы, выжившие под Рочестером пехотинцы Объединенной Армии, уезжаем на семи грузовиках прочь, так и не похоронив своих мертвых. Двести человек – вот и все, что от нас осталось. Я сижу на полу в последнем грузовике. «Сорок восьмой» на коленях, каска с глубокой царапиной в руках. Все-таки это была не щепка. Мать твою, мать твою, мать твою... Рядом, спиной к борту, сидит Пуля с незажженной сигаретой в руках. Он все мнет и мнет ее, а табак сыпется на его комбинезон. Букса сидит слева от Пули. В руках у него рюкзак с простреленной рацией Кукушонка.

– Теперь это просто бесполезная куча дерьма, – вздыхает Букса.

– Точно, – нервно кивает Пуля, глядя на руины завода. – Теперь это все – бесполезная куча дерьма.

Песенка рейнджеров Объединенной Армии

Видишь небо над горой,
Видишь бутсы на дороге,
Мой родной «сорок восьмой»,
И мои кривые ноги?

Это мы, и мы бежим,
Не за властью и наживой.
Мы бежим, мы бежим,
Потому что живы.

Кто нас ждет за поворотом,
Кто под соснами лежит?
Люди живы, в сборе рота,
Значит, рейнджер бежит.

Это мы, и мы бежим,
Не за властью и наживой.
Мы бежим, мы бежим,
Потому что живы.

Часть 1

Святой вопль королей

Из текста «More Light»

Когда высох бензин
Машины встали
Телевизоры умерли
Свет погас
Наши каблуки
Выбивали искры из асфальта
И только эти искры
Делали мир светлее¹

Ной, ответ на вопрос репортера «Classic Rock», пресс-конференция «Broken Flowers» на «Download-2010»

Нельзя быть вечно молодым. Хочется, но нельзя. Не потому, что невозможно – нет ничего невозможного. Но необходимо повзрослеть, чтобы осознать, как много мы теряем, перестав быть молодыми. Когда тебе девятнадцать, ты врубаешь шнур в комбик – и все, ты король мира. О тебе никто не знает, о тебе никто не пишет, но ты король мира... Если

¹ Здесь и далее пер. автора

вы спросите меня, кому я завидую, я скажу: «Самому себе много лет назад, когда я был королем мира».

Из статьи «Ноев ковчег: жизнь „Сломанных Цветов“», журнал «Rolling Stone»

Узкие, грязные улицы. Похоже, их не убирали со времен Второй Мировой войны. Однотипные пятиэтажки, ржавые гаражи во дворах. Огромное количество фабрик и заводов, большая часть – не работает.

Лица у людей – серые, глаза злые. Каждое утро они идут на работу, а вечером возвращаются с работы. Той же дорогой, изо дня в день. Дешевый алкоголь здесь самый ходовой товар. А в воздухе столько яда, что люди начинают задыхаться от избытка кислорода, выбравшись из городской черты.

Это может быть Ливерпуль 60-х, Манчестер 70-х, Дублин 80-х, или Сиэтл 90-х. Обычная родина рок-н-ролла. Не важно, в какой дыре она находится в этот раз, главное, что жить там невозможно. И от того, что люди все-таки выживают в этом аду – становится так тревожно, что тянет завывать на луну. Или воткнуть шнур в комбик и взорвать этот мир направленной волной звука.

Вознесенск, город, который называли *Red Manchester*. Индустриальная преисподняя откинувшего копыта СССР, погребенная под обломками гигантов текстильной промышленности, пафосными осколками умершего режима и всем тем, что вылетало из-под гусеничных траков национальной

катастрофы по имени *Perestroika*. Индустриальный и экономический крах, безработица, полное отсутствие какой-либо определенности. Каждый следующий день хуже предыдущего. Надежда повесилась на ржавой пожарной лестнице дома напротив. Если в этой клумбе и могли вырасти цветы, то исключительно сломанные. Как и поколение детей, родившихся на изломе веков, социальных мегалитов и тотального перераспределения финансовых потоков.

Петр «Клин» Климовский

Ной носил куртку, перешитую, кажется из старого женского плаща. И ему все завидовали, потому что, черт побери, это была настоящая кожаная куртка.

Такое было время. Лично мне еще повезло, я не могу сказать, что голодал. У моих родителей была работа, на которой раз в два-три месяца выплачивали зарплату. В некоторых семьях не было и этого. А больше всего пугало то, что люди однажды перестали воспринимать происходящее, как что-то ужасное. Привыкли. Все, кроме молодых. Мы просто не успели еще врасти во все это дерьмо. Мы хотели вырваться. Я хотел вырваться. Я только об этом и думал. А куда? Образование уже не имело значения, никто не платил деньги за то, что ты знаешь. Платили за умение зарабатывать бабки, прятать бабки, грызть за бабки. Деньги липнут к деньгам. А нам было по шестнадцать лет, и мы ненавидели деньги. Так что сама ситуация не оставила нам другого выхода, кроме

рок-н-ролла.

Максим Holler, хозяин «Holly Holler»

Не то, чтобы город умирал на наших глазах. Скорее, происходили какие-то мутации, попытки вползти в новое время на старых колесах. И сначала, конечно, ни хрена хорошего из этого не получалось. Я думаю, через это прошли если не все российские города, то большинство. 99 %. И тогда важнее всего было выжить. Не достигнуть чего-то, а банально выжить. Само собой, молодежь это не устраивало. Это как – помнишь? – в фильме «Курьер». Они мечтали о великом, молодежь всегда мечтает о великом. И чем больше дерьма вокруг, тем чище мечты. Вознесенск 90-х был настоящей выгребной ямой. Если уж говорить начистоту, он так и не выбрался из нее окончательно.

Глеб Боровков, барабанщик «10 Дигризли»

Мы просто ходили по улицам, и нам не нравилось то, что мы видели. Молодым всегда не нравится то, что они видят, а мы существовали в атмосфере, когда вокруг только рушили, и казалось, что это никогда не кончится. И мы убегали в музыку, фильмы, книги. А куда еще? Тут надо понимать... люди еще не знали, что можно просто взять и куда-то уехать. Даже у нас, у молодых, из башки торчал вот такой вот совок. Какая там граница, даже просто сама мысль взять и сорваться с концами в ту же Москву казалась чем-то... не

знаю, нереальным. Не в том смысле, что мы не могли поехать в Москву – могли, конечно. Но в Москву ездили на заработки, а мы хотели другого. Мы хотели уйти так, чтоб не пришлось во все это дерьмо возвращаться. Нам нужен был совсем другой мир. Так что да, мы убегали в музыку. Других дорог вообще не было.

Камиль Шарипов, гитарист «10 Дигризли»

В Вознесенске того периода нечего было ловить. Обычный с трудом выживающий провинциальный город обычной с трудом выживающей провинциальной страны. Все с рефлекторной надеждой смотрели в будущее, типа «завтра будет лучше, чем вчера». Даже песня такая была. Но нам не нужно было завтра, нам нужно было здесь и сейчас. Когда нечего ловить, остается ловить кайф. Все просто.

Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, завсегдай «Holly Holler»

Кто-то рассказал мне о фотографe Дэвиде Бейли, показал журнал с его старыми американскими фотографиями. И это было... Я как будто открыла окно в другое пространство. Дело не в одежде. Он передал улицу, движение, надежду на будущее. Позже я много о нем читала и смотрела этот фильм – «Мы сделаем Манхеттен». Он перевернул все. А я же именно об этом мечтала. О том, что мир перевернется и холодное станет теплым, черное белым, сегодняшний день – зав-

трашним. Мы все об этом мечтали. Конечно, то, что мы видели вокруг, было совсем не похоже на фотографии Бейли. Но только внешне. Мы тоже жили во времени, которое заканчивалось. Ведь в черно-белых фотографиях Бейли больше цвета, чем в любом современном цифровом фото. С нами было именно так. Вокруг все было либо черное, либо белое, либо – изредка – серое. И это серое уже казалось чем-то опасным. А мы хотели красок. И мы их видели там, куда остальные не хотели смотреть.

Ной прав, мы – поколение сломанных цветов. Но как раз там, где нас ломало, оказывалось больше всего цвета. Взрослые играли в свои игры. Рушили страны, придумывали новые. А мы находили кассеты с героями рок-н-ролла. Взрослые играли в экономику, какие-то ваучеры, рынок, что там еще было... А мы шли в рок-клуб и отрывались по полной. Взрослые начинали войны, чтобы жить в мире. А мы думали, что никогда не станем такими, как они.

Теперь уже мы придумываем страны, деньги, поводы для войны. И это так скучно! Но по-другому не получится, мы уже черно-белые, и теперь уже нас пугает серый цвет. А тогда мы были цветными. Может быть, мы и сломанные цветы, но ярче нас там и тогда – не было.

Д.Г. одноклассник Ноя

Был какой-то унылый школьный вечер. А потом вышли эти парни, и все стало еще хуже, ха-ха-ха. Помню, как объ-

явили: «Группа „10 Дигризли“», – а я подумал, что еще за «Тенди», и причем тут «Гризли»? Я решил, что группа называется «Тенди Гризли». Когда они начали играть, меня чуть не стошнило. Это было ужасно! Они подражали всем подряд, но даже подражать у них не получалось, потому что они откровенно плохо играли. А вокалистом у них был Ной. Только тогда его никто так не называл, он был просто [censored]. Я еще подумал: черт, лишь бы никто не вспомнил, что я учусь с этим кретином в одном классе, ха-ха-ха.

Блин, ну кто мог подумать, что спустя какое-то время я буду всем с гордостью говорить: «Смотрите, я учился с этим чуваком в одном классе. Да-да, мать вашу, мы одноклассники».

Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, завсегдай «Holly Holler»

Похоже, я была единственной, кому нравилось это название. Между прочим, оно и сейчас мне нравится. А играли они не так уж плохо. Чего «дигризы» не умели, так это выстраивать звук. На первых выступлениях они друг друга вообще не слышали. Получалась дикая каша.

Джимми, барабанщик «Broken Flowers»

Ной давал мне как-то послушать концертную запись «10 Дигризли». По звуку – полный ад. Но вообще-то что-то в этих ребятах было. Я даже украл у них одну идею. Не скажу

какую.

Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, всегда с «Holly Holler»

Сам факт, что твой одноклассник играет в рок-группе... это было круто. В те времена, до интернета. Ведь многие из нас жили только рок-н-роллом. Хлеба не было, денег не было. Была только новая музыка, вчера еще запрещенная. Я слушала все подряд: «Blondie», «Dire Straits», «Doors». Ходила на все рок-концерты.

Даже если бы у Ноя ничего не получилось, все равно это было круто. У многих же не получилось. Да почти у всех.

Было время рок-н-ролла. Потом оно кончилось. Но тогда мы все были Моррисонами, Вишесами, Кобейнами, Хендриксами. Конечно, времечко было довольно страшное. Но я бы ни на что его не променяла.

Камиль Шарипов, лидер-гитарист «10 Дигризли»

Дело было в школе на одной из перемен. Ной подошел ко мне и предложил создать группу. Я никогда особенно к этому не стремился, мне просто нравилось играть на гитаре. Я был, что называется, диванным гитаристом. Даже не знаю, откуда Ной узнал, что я играю. Я спросил его, что он хочет играть. А он сказал – что-то среднее между U2 и «Iron Maiden». Я сказал: чувак, между U2 и «Iron Maiden» половина рок-н-ролла. А он ответил, что вот именно эту полови-

ну и надо играть.

Ну, я и подумал – почему бы не попробовать? Сам я сидел на всяких «Velvet Underground» и «MC5». И кроме меня эти команды не то что не слушал никто, о них даже не знали. По крайней мере, когда я сказал Нюю, что слушаю, он так посмотрел на меня и спросил: «А из рок-н-ролла?» Ну, я ответил, что это и есть натуральный рок-н-ролл. Он сказал что-то типа: «Ну ладно, ОК», – но, по-моему, он мне не поверил...

Собственно, так и начались «10 Дигризли». Я никогда не верил, что из этого проекта выйдет что-то толковое. Так и получилось. Но совсем не по тем причинам, о которых я думал.

Петр Лучинин, басист «10 Дигризли»

Я играл в группе «Station Master». Такая стандартная школьная команда. Ну и Ной видел меня на нескольких школьных концертах. Однажды он подошел ко мне и спросил, типа, чувак, тебе не надоело играть эту ерунду? А мне действительно надоело. Я спросил: а что, есть идеи?

Через неделю я уже репетировал с «10 Дигризли», правда, тогда в ней были только я, Ной и Кама. У нас довольно долго не было ударника, и мы юзали школьную ямаху-самоиграйку, в которой был набор примитивных драм-машинок. Потом нам это надоело, и мы повесили объявление, что ищем барабанщика.

Глеб Боровков, барабанщик «10 Дигризли»

Как-то на перемене я увидел объявление о том, что какая-то группа ищет барабанщика. Я к тому времени немного поиграл в Доме Пионеров, но очень недолго. Причина была довольно банальной для того момента. Дом Пионеров закрыли, и в нем открылась коммерческая херня, типа рынка под крышей. В общем, я увидел это объявление и подумал, что ничего не потеряю, если попробуюсь. В крайнем случае, посмотрю, как играют другие ударники, пришедшие на прослушивание.

Но оказалось, что кроме меня на это объявление никто не клюнул, такие дела.

Петр Лучинин, басист «10 Дигризли»

У Ноя была неплохая коллекция пластинок и проигрыватель «Электротехника». И еще он где-то доставал всякие самопальные журналы. Короче, мы собирались у него, слушали пластинки и листали эти журналы. Тогда же еще даже русского MTV не было! Какое там, даже видеомэгнитофоны появились чуть позже! И, в общем, мы слушали... к примеру, «Kiss» и говорили: «О, вот что надо играть!» Потом слушали «Sex Pistols» или Дэвида Боуи, или Дилана, или «Depeche Mode», и каждый раз говорили: «О, вот что надо играть». А на самом деле мы понятия не имели, чего хотим. Всего сразу.

Камиль Шарипов, лидер-гитарист «10 Дигризли»

«10 Дигризли» репетировали в актовом зале школы. После уроков и если зал не был занят. Иногда удавалось отрепетировать три раза в неделю. Или даже четыре. Иногда всего раз. Фишкой актового зала было то, что одна из стен была также стеной спортзала. И бывало, что я не знал, то ли Боров лагает мимо ритма, то ли кто-то лупит мячом в стену с той стороны. Так уж вышло, что у меня было какое-то болезненное чувство ритма, любая лажа была... ну вот, как ключом по стеклу, понимаешь?

Глеб Боровков, барабанщик «10 Дигризли»

Вообще нам круто повезло с тем, что мы могли репетировать в актовом зале. Большинство команд ютились в каких-то коморках, подвалах, некоторые репетировали прямо в квартирах или во дворах частных домов. Из-за этого они не могли играть на полную громкость, многие вынуждены были работать вообще в акустике. А у нас было помещение, какое-никакое, но оборудование, и время. Мы могли делать «электричество», могли шуметь... Короче, нам реально повезло с этим.

Петр Лучинин, басист «10 Дигризли»

Будь у нас возможность, мы бы вообще из этого актового зала не уходили. Но иногда все-таки приходилось уступать его каким-то дурацким школьным кружкам и другим груп-

пам. У них у всех было расписание. У нас никакого расписания не было. Мы просто ждали, когда освободится зал, и шли играть. Наверное, мы не меньше времени провели, сидя на полу перед входом в актовый зал, пока ждали возможности войти. А, ну еще было условие – играть только после шести вечера, когда заканчивались уроки второй смены.

Глеб Боровков, барабанщик «10 Дигризли»

Мы несколько раз выступали в школе, но в основном просто сидели в актовом зале и играли для самих себя. И считали, что нам круто повезло. Мы не платили за возможность репетировать, юзали школьную аппаратуру и школьные барабаны. Барабаны же вообще было не достать тогда. Гитары еще какие-никакие удавалось найти, а вот барабаны... Ну, а нам все это богатство досталось на халяву. И, в общем, не могу сказать, что нам очень на тот момент нужны были концерты. В кайф было просто запереть двери зала после уроков, врубить гитары и играть. Само собой, после первого же аккорда актовый зал исчезал, и мы улетали в *Cavern*, или на сцену Вудстока, или на борт парохода, плывущего по Темзе, ха-ха-ха. Мы еще не умели толком играть в миксе, но уже были очень крутыми. За закрытыми дверями, само собой.

А потом однажды Линда спросила, почему мы не попробуем выступить в «*Holly Holler*». Мы подумали – а правда, почему?

Дмитрий «Маляр» Красильников, барабанщик «Kwon»

Сначала это был драмтеатр. И выглядел он как драмтеатр. Он и теперь так выглядит. Ну, там... колонны и все такое. Только теперь там Союз предпринимателей. А в промежутке там было все, что только можно представить. Ярмарка, конторы по сбыту тканей, риэлторы – короче, кто там только ни сидел. Днем. По ночам здание вымирало. Но под зданием имелся подвал. Три помещения, одно за другим. Никакой вентиляции, дерьмовая акустика и всего один туалет. Первое время даже вывески никакой не было. Потом появилась. Надпись «Holly Holler» была стилизована под этикетку пива «Holsten». Не знаю почему. Сроду в «Холере» не было нормального пива. Да мы бы и не смогли его купить.

Вадим «Лимон» К.

У меня была черная футболка «Whitesnake». Я даже не знал, кто это, прикинь, мне просто понравилась картинка. Там, короче, была такая змея в круге. И все завидовали. Да я был крут, как хрен знает кто! А потом у меня еще появились джинсы «Мальвин». Варенки. Хорошо быть сыном богатого папаша. Я был гребанным королем.

А эти «10 Дигризли» были полным отстоем. Выходили на сцену и начинали просто греметь. Но всем было по хрену. Главное, что это был рок-н-ролл, понимаешь? Остальное не имело значения.

Илья «Игги» Сабиров

Само понятие «клуб» было чем-то новым. То есть были дискотеки. Были какие-то дворцы пионеров и так далее. Были танцы в школах. А клубов не было, мы понятия не имели, что это такое. А потом открылся «Holly Holler», и мы ушли туда жить. Не в прямом смысле, конечно. Но большую часть времени мы проводили там. Хотя на самом деле, объективно, это был тот еще гадюшник.

Максим Holler, хозяин «Holly Holler»

У меня были серьезные проблемы с бандитами. Однажды пришли парни в кожаных куртках и стали ломать мебель. Они даже ничего не сказали, просто вошли и начали все крушить. Я выскочил, попытался их остановить. Тогда один из них достал пистолет, приставил мне к голове и сказал: «Теперь ты платишь „Циркачам“, понял?» Я сказал, что понял. Те, кто жил в Вознесенске 90-х, помнят о «Циркачах». Банда качков, все бывшие спортсмены, они зависали большую часть времени в качалке рядом с цирком. Но платить приходилось не только им. «Циркачи» были моей крышей, но прикрывали только от других бандитов. А были еще менты, санэпидемстанция, налоговая... Не мудрено, что клуб продержался всего два года. Хотя по тем временам и это было немало.

Монк, басист «Kwon», «Broken Flowers»

Тогда много чего открывалось. В основном, если вы видели дверь под яркой вывеской, следовало брать ноги в руки и валить оттуда подобру-поздорову, потому что, скорее всего, за дверью сидели бандюги в красных пиджаках, с похожими на гробы мобильниками и голдой на бычьих плечах. Бандюги брились почти налысо и не любили парней с длинными волосами. Так что обходить такие места стороной стало естественной составляющей инстинкта самосохранения. Правда, вполне могло статься, что когда вы пойдете по той же улице в следующий раз, никакой вывески уже не будет. А вместо заведения окажется либо что-то другое – либо руины, либо, что тоже нередко случалось, воронка от взрыва. Ахуенное было время, что уж там.

Поэтому, когда я увидел впервые вывеску «Holly Holler», я так и поступил. Взял ноги в руки и свалил к чертовой матери. И если бы кто-то сказал мне в тот момент, что я проведу за этой вывеской полтора года своей жизни, я бы, конечно, не поверил.

Ф.К., в 90-х – совладелец «Holly Holler»

Ко мне пришел Макс Холера и сказал об идее открыть рок-клуб. Я ответил, что это бред сивой кобылы, в этой стране нереально заработать на роке. Я оказался прав. Но тогда я почему-то согласился выделить деньги. Естественное, мне не вернулось и половины. Глупый поступок. Эти деньги можно

было вложить во что-нибудь реально стоящее и приносящее доход.

Вадим «Лимон» К.

Бар в «Холере» приносил деньги только на пиве. Не припомню, чтобы кто-нибудь покупал там что-нибудь кроме пива. Я точно не покупал. Если я хотел поесть, я шел к фабрике 8 марта, десять минут ходьбы от «Холеры». Там была рабочая столовка, где за приемлемый прайс можно было неплохо пожрать. Так что, когда говорят, что «Холеру» прикрыли за то, что там толкали наркоту, я просто смеюсь. Может, и пытались толкать, только вряд ли кто-то покупал. В этой стране рок-герои не умирают от передозов. Они спиваются. Потому что это дешевле.

Александр «Морис Моррис», басист «Моррисон Тринити»

У меня лежал старый аппарат «ПМ-01», который достался мне бесплатно при закрытии городского Дома пионеров. Аппарат изначально был убитый, починить руки не доходили. Так он и провалялся года два, пока не пришел Макс Холера и не предложил его выкупить. Я согласился. Не знаю уж, как он его восстановил, но факт остается фактом: все два года существования «Holly Holler» в клубе играли именно на этом аппарате.

Кроме того, там стояли колонки «Эстрада», а вместо мо-

ниторов колонки «Gemini». И усилки «Родина». Что-то со временем менялось, конечно, но вся аппаратура была именно такого типа. Между прочим, не самый плохой набор по тем временам.

Камиль Шарипов, лидер-гитарист «10 Дигризли»

Я был против выступления в «Холере». На самом деле, мне кажется, никто кроме меня не понимал, что играем мы откровенно хреново. Мы же не учились и почти не развивались. Просто собирались и лабали по три-четыре раза в неделю. А тут – рок-клуб. Для нас это было два священных слова. «Holly Holler», конечно, был далеко не «CBGB», но других-то не было. Это не то, что выйти перед школой – там люди, как мне казалось, понимали толк в рок-н-ролле. В общем, я так и сказал. Но Ной умел уговаривать, да и остальные загорелись. А я подумал, да и ладно, выйдем, разок облажаемся и вернемся туда, откуда пришли.

Максим Holler, хозяин «Holly Holler»

А нечего рассказывать, если честно. Они пришли и сказали, что хотят сыграть у меня. Я спросил, у вас есть гитары и рабочий? Они сказали – да. Ну и все, на следующий день «10 Дигризли» играли в «Holly Holler». Тогда все было просто. Хочешь играть – играй на собственный страх и риск.

Не могу сказать, что они были самой плохой командой. Я видел и хуже. Но они были реально плохи, ха-ха-ха. Какой-то

грохот и мешанина из всего подряд. Ад, короче. Я имею в виду, сначала.

Петр Лучинин, басист «10 Дигризли»

Гитара, на которой я играл, была не то чтобы гитарой. На ней были четыре струны, звукосниматели, но она все равно была не то чтобы гитара. Я даже не знаю, какой она была фирмы. Какой-то по папе, как сейчас говорят. Раз в месяц я снимал струны и кипятил их, чтобы убрать налипшее сало. Струны всегда обрастают салом от пальцев, и обычно их просто меняют. Но даже когда у меня были деньги на новые струны, их просто негде было купить. В городе было два музыкальных магазина, и ни в одном не продавались басовые струны. Мне приходилось просить друзей, когда они ездили в другие города. Особенно в Москву.

И это мои лучшие воспоминания, твою же мать... Но да, черт, это так, ха-ха-ха.

Глеб Боровков, барабанщик «10 Дигризли»

Мы сперли рабочий из школы. А где бы мы еще его достали? Гитары хоть какие-то у нас были, а барабанная установка была школьная. Вот мы его и сперли. Ной с Камой зашли внутрь, скрутили рабочий и передали мне его в окно. Я ждал на улице с рюкзаком. Следующее, что я помню, – это как я несусь по улице. Мне казалось, что все знают, что у меня в этом проклятом рюкзаке. На самом-то деле никто и не заме-

тил пропажи. Тогда воровали заводами, всем было плевать на какой-то рабочий барабан.

Монк, басист «Kwon», «Broken Flowers»

В Холере не было ничего похожего на примерку. Музыканты тусили прямо в зале, пока не наступала их очередь идти на сцену и играть. А потом снова возвращались в зал и становились слушателями. Мы все были единым организмом. Но, конечно, внутри этого организма была куча мелких тусовок.

«Kwon» играли в «Холере» уже несколько месяцев, когда там появились «дигризы». Но, честно говоря, я не помню их первого выступления. Команды собирались и распадались постоянно. А один музыкант мог играть сразу в нескольких проектах. Был момент, когда я играл одновременно в «Kwon», «Rusty Dogs» и «Моррисон Тринити». Хотя основной моей пропиской был, конечно, «Kwon». Соответственно, я тусил с панками. А Дигризы были слишком хипповскими, как мне казалось. Намного позже я услышал «MC5» и любил их музыку. Но тогда я думал, что это музыка хиппарей.

Камиль Шарипов, лидер-гитарист «10 Дигризли»

Конечно, я определенным образом повлиял на звучание «дигризов», я же был лидер-гитарой. Но это не значит, что я тянул одеяло на себя. Просто у меня было определенное направление, вся это протопанковская тусовка, фабрика Уо-

рхолла и все, кто вокруг нее крутился. А ребята кидались из крайности в крайность. Можно сказать, они были в своеобразном поиске, а я, как мог, сращивал их идеи. Получалось, конечно, хреново. Что-то более-менее стоящее стало выходить только под самый занавес.

**Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, за-
всегдай «Holly Holler»**

Я хорошо помню этот вечер. Ной косил под Акселя – джинсы, какая-то яркая тряпка на голове. Луч был в черной футболке, и, кажется, какой-то хипповский хайратник на лбу. У Луча были тогда длинные волосы. И выглядел он как настоящий совковый хиппарь. А Кама был... по-моему, в джинсовой куртке, и с обычными своими растрепанными волосами. Сейчас понятно, что он косил под Робба Тайнера, но тогда я ничего не знала про «МС5». Насчет Борова не помню. Со временем он стал играть в рубашке с обрезанными рукавами, но не сразу.

Когда они вышли, все затихли, потому что никто не знал, кто они такие. А название звучало серьезно. Потом они начали играть, и мой парень сказал: «Ну что ж, они громкие». В общем, больше о них ничего и нельзя было сказать тогда. Что-то более-менее вразумительное «дигризы» начали играть только перед самым распадом.

Я даже помню, с какой песни они начали. «Поезд не пришел». Первое время они пели на русском языке.

Глеб Боровков, барабанщик «10 Дигризли»

Я почти не помню самого выступления. Дико волновался. У меня постоянно потели ладони, и я боялся, что не смогу держать палочки. Помню, как мы вышли, как я поставил рабочий, и все. Я думал только о ритме. Лишь бы не сбиться, твою мать, лишь бы не сбиться. Так что я понятия не имею, что там творилось на сцене и в зале.

Камиль Шарипов, лидер-гитарист «10 Дигризли»

Ной вовсе не косил ни под какого Акселя, что за бред? Он, конечно, любил ганзовские «джунгли», но не больше, чем другие команды. Его персональными богами тогда были Цепеллины. Но попробуйте-ка подражать Планту – без глотки останетесь. К тому же, у Ноя была совсем другая подача.

Что касается внешнего вида, то он просто нашел какой-то старый платок и попросил Линду завязать его как-нибудь. Так что, если Ной и напоминал в тот день Акселя, то вините Линду. Ее во многом можно винить, кстати. Когда она шла к Холере, за ней сыпались осколки разбитых сердец, ха-ха-ха. И если бы не она, многие песни многих команд не были бы написаны.

Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, всегда «Holly Holler»

Нравы у нас были, конечно, своеобразные. Но с Ноем у

меня ничего не было. Это точно. Я бы запомнила, ха-ха.

Дмитрий Бартенев, басист «Rusty Dogs»

«Дигризы» были не лучше и не хуже многих. Но они однозначно были громче многих. К тому же, в те редкие моменты, когда они переставали грохотать и становилось слышно вокал, можно было понять, что парень пишет неплохие тексты.

Петр Лучинин, басист «10 Дигризли»

Я помню свои ощущения на следующий день. Ну, во-первых, конечно, похмелье. Потому что накатались мы тогда неслабо.

Но, во-вторых, было ощущение, что я побывал в другом пространстве, и это все изменит, и вокруг все должно стать иным. Потому что после того, что я почувствовал, мир просто не может оставаться прежним.

А ничего не изменилось. Вообще.

Я люблю свою маму. Она из кожи вон выбивалась, работала на двух работах, перешивала одежду для меня... Но в тот день... я просто понял, что не могу всего этого выносить. Нашу квартиру, телевизор с двумя программами, по которым несли одну и ту же чушь, весь этот город.

Рок-н-ролл – страшный наркотик. Он открывает дверь в мир, которого на самом деле не существует. Может быть, однажды наступит время, которое ты, как через окно с гряз-

ным стеклом, можешь разглядеть со сцены – я не знаю. Все, что ты можешь – принимать новую дозу. Раз за разом. Бесконечно.

Из текста «Ladder»

Люди бегут вверх или вниз
Лестница только одна
А мы сидим на ступенях
Курим и смотрим в грязные окна²

Максим Holler, хозяин «Holly Holler»

Я думал, «дигризы» просуществуют не дольше месяца. Сколько я повидал таких за два года... Но эти меня удивили. Они давали концерты чуть ли не каждую неделю. И каждый раз приносили что-то новое. Они не сдувались.

Камиль Шарипов, лидер-гитарист «10 Дигризли»

Я неслабо ошибся, когда решил, что все обойдется одним концертом, это факт. Но главное, я неслабо ошибся в самом себе.

Мне понравилось! Мне нравилось стоять на сцене и рубить рок-н-ролл перед толпой потных и в основном нетрезвых нефоров. Это было круто. Тебе как будто закачивали

² Пер. автора

жидкое пламя прямо под кожу. Не помню, когда я это понял, но в какой-то момент стало ясно – диванным гитаристом мне уже не быть никогда. Я либо буду стоять на сцене, либо не прикоснусь к гитаре вообще. Это трудно объяснить тем, кто не ловил со сцены фидбэка зала. К тому же, не забывайте – я был всего лишь старшеклассником, а рок-н-ролл держится на юношеском максимализме, как политика на вранье.

И еще. Я чувствовал, что мы становились лучше. Не потому что учились или работали над техникой. Просто мы так много играли, что это получалось само собой. Мы срастались. Могу уверенно сказать, что к моменту распада «10 Дигризли» была одной из самых сыгранных рок-групп города. А, кроме того, нам уже было мало рублиова. Я начал придумывать более сложные партии, да и в целом группа становилась техничнее. У нас появилась мелодия.

Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, завсегда́тай «Holly Holler»

Я не сразу это заметила. Они же постоянно были перед глазами, причем и в клубе, и в школе. Я частенько заглядывала к ним в зал. Это как с родными детьми – ты не замечаешь, как они растут. А потом кто-нибудь приходит и говорит, какой большой у тебя сын. И ты вдруг понимаешь, что так оно и есть, а ты и не заметила.

Однажды во время концерта «дигризов» кто-то из непостоянных тусовщиков «Холеры» сказал: «Черт, а они кру-

тые». И вдруг я поняла, да, блин, они крутые. Стали крутыми. Каждую неделю слушала, а поняла только под конец. Они стали реально крутой бандой, пожалуй, по уровню с ними мог сравниться только «Kwon».

Игорь «Решето» Решетников

Я появился в «Холере» незадолго до ее закрытия. И в первый же день услышал «дигризов». Они играли что-то вроде тяжелого скоростного блюз-рока, а местами сваливались в откровенное сайко. Не уверен, что знал тогда это слово... Не важно. Это было круто, потому что, если честно, я тогда ничего подобного не слышал. И еще они были громкими как черти. Не знаю, как их выдерживала аппаратура. Парни давали реального жара.

Глеб Боровков, барабанщик «10 Дигризли»

Мы не стали самой популярной бандой города. Но свои фанаты у нас были. Это факт.

Ной, из интервью «Moscow News Россия»

Со временем понимаешь, что все так или иначе логично. Может быть, неприятно или болезненно... да, но у жизни своя логика, и все происходит именно согласно ей.

Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, завсегда
«Holly Holler»

Они еще не выросли из «Холеры», но этот момент приближался. Вот тогда-то все и посыпалось. У всех нас, но у них это было... Как будто Бог услышал про их планы и рассмеялся прямо в лицо, понимаешь?

Со всем этим рок-н-роллом мы совсем забросили учебу. До сих пор не знаю, как мне удалось сдать выпускные экзамены. Я тогда, если честно, плевать хотела на все это. Потом – лето. Многие разъехались. Начался мертвый сезон. «Холера» закрылась, официально на ремонт.

Репетировать в школе летом не разрешили. «Дигризы» изнывали от безделья. В основном пили.

В общем, как-то Ной подумал, а не пора ли им записать альбом? У них было уже много песен. А у Луча были то ли родственники, то ли просто знакомые на городском радио, где была нужная аппаратура. Короче, насколько я помню ту историю, Ной с Лучом двинули прямо на радио. И там ответили, что нет проблем, только работать придется по ночам, потому что днем аппаратура занята.

Они выцепили меня, и мы уже втроем пошли искать Каму и Борова, которые ни о чем еще не знали. Мы шли и смеялись, и представляли, как они встанут на уши от радости, а потом мы затаримся на последние деньги портвейном и как следует отметим.

Это был последний радостный момент для «дигризов». Когда мы их нашли, Боров сказал, что уезжает учиться в Ленинград. А Кама вместе с родителями решили осенью пере-

езжать куда-то на Север.

Камиль Шарипов, лидер-гитарист «10 Дигризли»

Мои родители работали на заводе по производству строительных кранов. Им почти год не платили зарплату. Мы питались только с огорода, даже на хлеб не хватало. Целый год я курил за счет пацанов из «10 Дигризли», пил за их счет, иногда даже ел. В этом возрасте такие вещи не особенно палят, но целый год – это слишком. И все-таки, когда родители сказали мне, что мы переезжаем... Мне показалось, что жизнь кончилась. В каком-то смысле так и было. Конечно, потом она началась снова. Но это была уже другая жизнь. Я не виню родителей, они поступили так, как было необходимо... Но на этом мой рок-н-ролл кончился.

Глеб Боровков, барабанщик «10 Дигризли»

Если честно, я узнал об этом не в тот день, а на неделю раньше. Как-то все не получалось сказать пацанам. Черт... На самом деле я дико трусил, потому что не представлял, как сказать такое.

Петр Лучинин, басист «10 Дигризли»

Я не особенно горю желанием вспоминать тот день. Серьезно. Мы шли счастливые с радио, и от нас шарахались добропорядочные граждане. То есть все правильно, плюс хорошие новости, так? И вдруг такое...

Как будто врач сказал – послезавтра вам отрежут обе руки.

И это было только начало.

Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, всегда с «Holly Holler»

Макс Холера уезжал на несколько недель. А когда вернулся, люди, которые давали ему деньги, сказали, что закрывают клуб и забирают себе помещение.

Видимо, это были очень серьезные люди, потому что все, что мог сделать Макс, – это уйти в запой.

Дмитрий Бартенев, басист «Rusty Dogs»

Я узнал о закрытии «Холеры» от Линды. Но слухи о том, что клуб закроют, возникали периодически в течение всех двух лет его существования, так что я не поверил. И недели две в разговорах со знакомыми повторял, что все это очередная разводка, кто-то пустил слух, не более.

А потом мне как-то позвонил Макс Холера и спросил, не смогу ли поддержать у себя в гараже часть аппаратуры. Я сказал, нет проблем, а зачем? И он сказал, что клуб закрывают. А потом такой: «Ты чего молчишь?» А я не мог ничего сказать, меня как обухом отоварили. Потому что в течение двух лет клуб «Холера» был частью моей жизни... Всей моей жизнью, если уж совсем откровенно.

Монк, басист «Kwon», «Broken Flowers»

Я уезжал на все лето в Прибалтику к родственникам. Вернулся и сразу отправился в «Холеру». А там замок. Я еще подумал, что за ремонт такой, который длится почти три месяца. Ну а вечером я пересекся с Линдой, и она сказала, что «Холеру» закрыли. Все, что я мог сказать: «А как же все мы?» Потому что, если честно, кроме как в «Холере» нам места не было нигде. Мы были не нужны никому, кроме друг друга.

Вадим «Лимон» К.

Ну, представь себе, ты крутой сукин сын, вокруг тебя куча других крутых сукиных детей, и все это замешано на телках, алкоголе и рок-н-ролле. Ты варишься в этом два года, а потом у тебя все это отнимают. И ты встаешь перед зеркалом, а оттуда на тебя смотрит прыщавое чмо, и никакая футболка «White Snake» и новые джинсы не могут изменить этого факта. Потому что так и было. За стенами «Холеры» я был мелким прыщавым чмом. Да и почти все мы. Старшеклассники или студенты начальных курсов... Черт, а мы-то думали, что мы титаны рок-н-ролла. Это был реальный облом.

Илья «Игги» Сабиров

Я узнал о закрытии клуба от Луча, басиста «дигризов». И очень хорошо помню, как вышел и понял, что мне просто некуда идти. Вообще. Свой дом я ненавидел. Свою школу я

ненавидел. Свой город я ненавидел. И вдруг оказалось, что ничего другого у меня и нет.

Вышло так, что взрослые дяденьки и тетеньки, такие, как я сейчас, сказали нам: «Стоять! Вот это реальный мир, и никуда вы от него не сбежите!» Конечно, так оно и было. Мы проснулись. Только иногда лучше не быть правым, а тот сон был лучше всего, что я потом увидел за всю свою жизнь.

Александр «Морис Моррис», басист «Моррисон Тринити»

Дело было не просто в закрытии клуба. «Холера» была нашей основной, а чаще всего и единственной площадкой. Иногда концерты проводились в других местах, типа ДК железнодорожников, актового зала в Строительном институте и так далее. Но все это были разовые акции, и нам были не очень рады на тех площадках. То, чтобы было принято в «Холере», мягко говоря, выпадало за рамки представления несопричастных людей о том, что должно происходить на концертах и как должны выглядеть слушатели.

Два года «Holly Holler» был в прямом смысле домом для большинства городских групп. И когда клуб закрыли, оказалось, что им некуда идти. Группы стали распадаться одна за другой. Уже к зиме из обоймы «Холеры» развалилось команд десять, не меньше. Людям просто негде было играть, негде было быть услышанными.

Вместе с «Холерой» ушла определенная эпоха вознесен-

ского андеграунда. И с тех пор ничего подобного здесь уже не было. Вознесенск стал обычным провинциальным городом конца XX века.

Ф.К., в 90-х – совладелец «Holly Holler»

Обычная история по тем временам. Деньги, которые я дал Максу на его клуб, были не совсем мои. Они были частью, скажем так, суммы, которую мне отдал на хранение один знакомый из Вичуги. Потом этого знакомого завалили. И я, естественно, подумал, что деньги можно будет не отдавать. Но оказалось, не один я такой умный. Однажды о деньгах вспомнили парни, которые, скажем так, помимо малиновых пиджаков имели в гардеробе неплохие кителя с серьезными погонами. Короче, с такими не поспоришь. Я вынужден был скинуть активы, в том числе клуб Макса, чтобы вернуть долг. А самому мне потом полгода пришлось прятаться по знакомым. Так что дело было не в Максе. Так легли карты, вот и все.

Петр Лучинин, басист «10 Дигризли»

Тогда же, к собственному удивлению, я обнаружил свою фамилию в списках принятых на истфак ВГУ. Ной поступил туда же на филфак. Ирония в том, что ни история, ни филология нас не интересовали. Но нам не хотелось в армию, а поскольку оба мы были здоровые, как быки, и у нас не было денег отмазаться от призыва, единственным способом сде-

лать это законно являлось получение высшего образования.

Но тогда факт поступления никаких особенных эмоций у меня лично не вызвал. Я уже знал о том, что «Холера» больше не откроется и плохо представлял себе, что будет дальше с «дигризами». Кама и Боров были не просто гитаристом и драммером. Они делали звук группы. Без них пытаться делать что-то в том же ключе было немыслимо. Я все время думал только об этом, о том, как же мы будем играть дальше? Я еще не понимал, что «10 Дигризли» уже нет.

Глеб Боровков, барабанщик «10 Дигризли»

Мы успели записать на радио три песни. Но где эта запись теперь, я не знаю. У нас у каждого было по кассете, а у Луча еще и бобины с записью. Кажется... Но вообще-то все получилось хуже, чем мы думали. Опыта записи у нас не было. И мы не смогли передать того драйва, который был на наших живых выступлениях. К тому же чувак с радио, который все это сводил, сидел на долбанном AOR-е. Запись получилась слишком гладкой, слишком карамельной. Если судить о «дигризах», то я бы посоветовал самые дерьмовые концертные записи, а не это карамельное убожество.

Максим Holler, хозяин «Holly Holler»

Я пил как бешенный, это факт. Я слишком много вложил в клуб, практически не вылезал оттуда. И вот у меня его отнимали.

Кажется, я смог просохнуть только к середине августа. И тогда мне пришла в голову мысль: «Черт побери, нельзя, чтобы это закончилось вот так. Это же рок-н-ролл! Надо грохнуть так, чтобы эхо хватило на несколько лет».

Тогда я нашел Линду, которая всегда все и обо всех знала, и сказал, что хочу напоследок провести фестиваль. К слову, если бы не Линда, все могло бы накрыться медным тазом. Она очень помогла с организацией «Last Holler». Абсолютно бескорыстно.

Карина Фадеева, в 90-х – студентка Вознесенского художественного училища им. Васнецова

Я не была завсегдатаем «Холеры». Большая часть музыки, которая там звучала, была слишком экстремальной. Я ходила на выступления определенных групп. Ну и как-то так сложилось, что ребята из «Холеры» иногда обращались к ВХУшникам с просьбой нарисовать афиши. В том числе и ко мне. Это было интересно, и я почти всегда соглашалась. К сожалению, у меня лично ни одной из тех афиш не сохранилось. Как-то даже и мысли не возникало их сохранять.

И вот однажды Линда пришла и попросила меня нарисовать афиши для фестиваля «Last Holler». Я спросила, почему «последний крик»? И вот, она сказала мне, что клуб закрывается. Точно помню, что это было в конце лета, занятия еще не начались, так что у меня было полно времени. Я нарисовала то ли пять, то ли шесть афиш. Максим, владелец

клуба, даже предлагал мне за это какие-то деньги, но я, конечно, не взяла. Не могу сказать, что «Холера» была моей жизнью, но какой-то важной ее составляющей – однозначно. Так что брать за это деньги, не знаю...

Часть из нарисованных мною афиш отксерокопировали и развесили по всему городу. Насколько я понимаю, многие из тех, кто бывал в «Holly Holler», узнали о его закрытии именно из них. Не очень уверена, что это можно считать заслугой. Получилось так, что я стала тем самым дурным вестником.

Кирилл «Муха» Царев

Три месяца мы тупо шлялись с Ди по городу. Самое унылое лето на моей памяти. Денег, чтобы свалить куда-то, не было. У нас в принципе никогда не было денег. Тусовка либо расползлась из города, либо делала то же самое: шлялась без всякой цели. Короче говоря, это были три пустых месяца, скучных, тоскливых, беспонтовых. По сути, все эти три месяца мы просто ждали, когда откроется «Холера» и все будет так, как должно быть.

А потом Ди увидела на столбе афишу. Издали можно было определить, что это кто-то из наших, потому что это была хренового качества ксерокопия рукописной афиши. Сначала мы обрадовались: хоть какое-то событие этим летом! А потом прочитали – и до нас дошло.

Ди сказала: «Прикинь, теперь всегда будет так, как этим летом».

В тот черный день для меня лично началось то, что я бы назвал взрослой жизнью. Да и не только для меня.

**Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, за-
всегдай «Holly Holler»**

На самом деле ничего такого особенного я не сделала. По-говорила с несколькими людьми, а потом слухи разошлись сами собой. Афиши сделала моя знакомая из художественного училища, а ксерокопии мой старший брат, который работал курьером в Сбербанке. Расклеивали всем миром, и это опять же не потребовало каких-то подвигов. Мы так и так мотались по улицам.

Единственное, чем я реально заморочилась тогда, так это списком групп, очередностью выступления и временем, которое выделялось каждой группе на сет. Изначально мой список состоял, по-моему, из шести групп, включая «Kwon» и «10 Дигризли». А когда слухи расползлись, музыканты сами начали со мной связываться с просьбой об участии в «Last Holler». И уже через неделю список состоял из семнадцати групп. На деле же участвовало 19. Мы почти никому не отказали, условие было только одно – группа до этого должна была как минимум один раз отыграть в «Holly Holler».

В результате график получился очень плотный. Каждой группе выпало в районе тридцати минут со всеми подключениями. Но никто не возражал и не возмущался. Из 19 групп

четырнадцать были из Вознесенска и пять из соседних городов. И все отыграли.

Петр Лучинин, басист «10 Дигризли»

Для меня все стало... определенным как раз по дороге к «Холере». Мы шли, и вдруг Камиль сказал: «Мы же все понимаем, что это последний концерт группы?» И все сказали: «Да. Мы все понимаем». Я сказал то же самое, хотя только в тот момент до меня дошло. И тут Ной вдруг сказал: «Дело не только в нас. Теперь вообще все будет по-другому».

Монк, басист «Kwon», «Broken Flowers»

В принципе, в «Холере» никогда не бывало пусто, но на «Last Holler» народу набилось просто немерено. Как бедный подвал не лопнул по швам, я не знаю. И никто не расходился. Вся толпа вышла только в семь утра, после прощального блэкаута.

Петр Лучинин, басист «10 Дигризли»

Я просто ошалел, когда увидел толпу народа перед входом в «Холеру». Мы пришли заранее, причем значительно так, часов в шесть. А народ уже собрался.

Камиль Шарипов, лидер-гитарист «10 Дигризли»

Я был так подавлен ситуацией с «10 Дигризли», что далеко не сразу осознал значимость того, что происходило в ту

ночь. Мы сидели слева от сцены, прямо на полу. Рядом тусили пацаны из «Kwon», «Моррисон Тринити», «Rusty Dogs», клюевская тусовка, кто-то еще. Короче, все перемешалось. Ной был мрачнее тучи. Луч тоже помалкивал. Единственным из нас, кто с самого начала ушел в отрыв, был Боров. Он постоянно перемещался по залу, пил то с одними, то с другими... Я даже начал опасаться, что он серьезно наберется к нашему выступлению и не сможет отыграть.

Потом без всякого объявления вышла первая группа, и народ спрессовало к сцене. С первых же аккордов в зале началось реальное безумие, все же понимали, что это последний отрыв. И я подумал – какого хрена, если это последний раз, то надо оттянуться так, чтобы хватило на всю жизнь. Ну и, похоже, так же подумали остальные «дигризы», потому что, когда я рванул в толпу колбаситься, все они были рядом.

Монк, басист «Kwon», «Broken Flowers»

«Kwon» играли третьими, сразу после «Rusty Dogs». К этому времени толпа уже была разогрета. Я вышел, воткнул басуху – и тут меня накрыло то, что называется энергетикой зала. И начался рок-н-ролл в самом потном, голом, грязном варианте. Без всяких наворотов, мы тупо рубили, выбрасывая в зал то, что чувствовали, а получали такой мощный фидбэк, что заводились еще больше. Как будто несешься на полной скорости вверх по горному серпантину. И когда мы начали нашу традиционную закрывашку, «Pants Bursting

Cose the Rock 'n' roll», мы были уже на эмоциональном пределе.

Я много где играл с тех пор, на разных площадках, от мелких рок-клубов до огромных стадионов. Но подобное ощущение у меня возникало всего несколько раз. А тогда, в «Холере», я почувствовал это впервые. Ощущение, когда твой собственный драйв и драйв зала не срastaются, а резонируют, и как по спирали втаскивают тебя на самый верх.

Антон «Плешка» Плеханов, музыкальный аналитик интернет-портала «Actual News»

Мне искренне жаль, что фестиваль «Last Holler» не оказался запечатленным на видео. Сегодня, много лет спустя, ознакомившись с видеоархивами европейских клубов, в том числе «CBGB», уверенно могу сказать, что ряд групп, игравших в ту ночь на «Last Holler», не уступали лучшим европейским командам, повлиявшим на развитие рок-музыки. Именно формации, подобные «Holly Holler», вот уже второй век определяют облик музыкальной индустрии. В любой стране.

Прогремевший однажды в российском провинциальном Вознесенске «Last Holler», обладавший не просто новаторским потенциалом (как минимум для России), но и способный вывести российских музыкантов на международную сцену, остался, по сути, незамеченным. Где находится сейчас подавляющее большинство российских групп, объяснять, я

думаю, не требуется.

Я уверен, что если бы тогда, в 1995 году, на группы из клуба «Holly Holler» обратили то внимание, которого они заслуживали, – названия «10 Дигризли», «Kwon», «Morison Trinity» и др. были бы известны всему миру в той же степени, что и «Ramones», «Blondie» и «Blank Generation».

Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, всегда с «Holly Holler»

В мои обязанности входило отслеживать очередность выступлений, но это было не особенно напряжно. Макс Холера приволок откуда-то шахматные часы и поставил их на сцене, так что команды сами следили за временем выступления. Мне приходилось только искать следующую команду и предупреждать, чтобы они готовились к выходу. Пришлось, конечно, изрядно побегать туда-сюда, но при этом я как бы постоянно была в эпицентре всего, так что жалеть не приходится. Самым сложным было не напиться, потому что все предлагали мне выпивку. Я была довольно популярной девчонкой, ха-ха— ха.

Максим Holler, хозяин «Holly Holler»

Я следил за аппаратурой. И мне сразу не понравилось, как себя ведут пульт и усилители. Их давным-давно надо было поменять... Они славно поработали, но, если честно, их век закончился еще за полгода до фестиваля. К тому же в «Хо-

лере» все розетки висели на одном автомате.

Глеб Боровков, барабанщик «10 Дигризли»

Я здорово накидался, и все было в такой... расфокусировке. В то же время я не был в полный аут, потому что большую часть времени отрывался. Но за временем не следил. Я знал, что мы выступаем в четыре утра, и все время думал, что это еще нескоро. Так что, когда подошел Ной и сказал, что вроде бы мы выступаем следующими, я сказал: чувак, ты чего, мы же играем только в четыре! Но потом пришла Линда и сказала – готовьтесь.

Сет «10 Дигризли» на «Holly Holler»

1. «Non Stop Boogie»
2. «Let`s do it Together»
3. «Baby In Fishnet»
4. «Kill the drummer, mama»
5. «Boulevard»
6. «Girls Power»

Максим Holler, хозяин «Holly Holler»

К четырем пульт так нагрелся, что я попросил принести огнетушитель...

Глеб Боровков, барабанщик «10 Дигризли»

Между нашим первым и последним выходами на сцену

«Holly Holler» прошло меньше года. Но для нас это была вечность. «10 Дигризли» были уже совсем другой группой. Я был совсем другим человеком. И в то же время мы оставались, по сути, детьми.

Помню, Кама выцепил меня в слэмящей толпе и сказал, что мы выступаем следующими. И тут на меня навалилось это ощущение последнего выхода. Я с головой ушел в драйв и забыл про все проблемы. Но тут... Как будто вокруг все застыло. Кама, видимо, заметил это и сказал: «Чувак, давай просто отхватим максимум кайфа, не думай ни о чем». Легче сказать, чем сделать...

Но мы справились.

Петр Лучинин, басист «10 Дигризли»

Мы открылись боевиком «Non Stop Boogie». Это был наш беспроектный вариант. Там вначале был такой момент на ритм-секции, только барабаны и бас. Боров выдавал такой примитивный жесткий бит, я слэпил, а Кама и Ной выкрикивали «Hey-hey, non stop!». И вдруг толпа начала выкрикивать параллельно с нами «ди-гриз, ди-гриз». Я почувствовал, что сейчас взорвусь, потому что внутри у меня все стало горячим и ударило по глазам. Я сделал зверскую рожу, потому что боялся, что расплачусь.

Кирилл «Муха» Царев

«Дигризы» были одной из тех групп, чье выступление я

не мог пропустить.

Я стоял в соседнем зале в очереди к бару, чтобы затариться пивом для себя и Ди, когда услышал интро «Non Stop Boogie». И вдруг все рванули к сцене, я тоже. У стойки никого не осталось.

Это был дикий отжиг. Многие знали слова и подпевали. Кама мотал хайром, как будто собирался открутить себе голову. Луч с Ноем прыгали, как бешенные. Да, Ной тогда еще не придумал этого своего дерганного танца... Вот. А Боров сломал палочку на «Kill the drummer, mama». Реально, я видел, как щепки полетели.

Ди каким-то образом смогла протиснуться сквозь слэмующую толпу, мы схватили друг друга за руки, начали дергаться и орать слова дигризовских песен. Нас толкали, кто-то свалился в толпу со сцены... А мы прыгали и пели прямо в эпицентре урагана из человеческих тел.

Это ни с чем нельзя сравнить. Просто ни с чем. Это... чувак, это – молодость. Понимаешь?

Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, всегда с «Holly Holler»

Я не могла войти в толпу и оторваться, как все, потому что обратно я бы не выбралась. А мне надо было найти кого-нибудь из «Моррисон Тринити», которые играли после «дигризов». Поэтому я осталась стоять у стены, прямо напротив сцены. Стояла и слушала. А потом ко мне подошел

Морис и спросил: «Линда, почему ты плачешь?»

Камиль Шарипов, лидер-гитарист «10 Дигризли»

Я не просто играл «как в последний раз», я действительно играл в последний раз. Никаких принципов. Просто так сложилось. Через четыре дня я уехал из Вознесенска и с тех пор не играл никогда. Было не с кем, негде... Да, в общем, и незачем. Прямо за стенами «Holly Holler» начиналось странство шансона, эстрадной попсы и русского рока. Там не было места для моей гитары.

Максим Holler, хозяин «Holly Holler»

Последними играли «Head Hunters». Линда решила, что последней будет играть группа, которая когда-то первой сыграла в моем клубе. Я не был уверен, что это правильно. Они играли скоростной рок-н-ролл в духе «моторов», я думал, у народа просто пороху на такой заряд не хватит. Под конец фестиваля... Но я решил полностью положиться в организации на Линду, и правильно сделал. К тому же той ночью забот у меня и без того хватало.

Короче, «охотники» отыграли, а народ не расходится. Я думаю: «Да какого черта вы ждете?» Я был уже на пределе. И физически, и эмоционально.

Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, завсегда́тай «Holly Holler»

Никогда в «Холере» не было так тихо. Все просто остановилось, как будто их разбудили в незнакомом месте. Люди стояли, оглядывались...

Я подумала, что они просто не поняли, что отыграла последняя группа.

А рядом стоял Ной, он как раз принес мне пиво. И вдруг Ной заорал: «Макс! Тащи свою старую задницу на сцену!» И все начали скандировать: «Макс! Макс! Макс!»

Максим Holler, хозяин «Holly Holler»

Смех смехом, а за все два года я ни разу не поднимался на сцену, если в зале был кто-то, кроме постоянного персонала «Holly Holler». Но народ требовал. Так что я встал и вышел на сцену, собираясь прогнать какую-нибудь правильную чушь напоследок, типа «лонг лайв рок-н-ролл» и все такое. Я подошел к микрофону... И в этот момент раздался хлопок, и во всем клубе погас свет. Я думаю, это лучший из вариантов закрытия «Holly Holler». Так все и должно было закончиться. Так все, собственно, и закончилось.

Позже, когда мы протащили свет, чтоб вывезти из клуба все, что можно было спасти, я обнаружил, что пульт в прямом смысле обуглился. Случилось следующее... Пульт сгорел и, умирая, послал нереальный по амплитуде сигнал на вход усилителя. У того сперва наглухо выгорел первый каскад, потом закоротило цепь питания блока усиления мощности. Дальше лопнул и вытек конденсатор в блоке питания,

потом снова коротнуло уже по фазе 220В и вышибло автомат в электрощитке. Тот самый, на котором висело и освещение, и подзвучка сцены, и долбаные вентиляторы на потолке. Цепь случайностей, по большому счету.

Но для меня навсегда останется магией тот факт, что пульт выдержал эту ночь и сдох именно тогда, когда настало время. Он был настоящим бойцом рок-н-ролла и стоял до конца.

Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, всегдашней «Holly Holler»

Кама уехал через несколько дней. Мы его не провожали. Он сам так решил. Ночь перед этим мы, как обычно, прошлялись по городу, потом попрощались, как всегда, и разошлись. Больше я его никогда не видела.

Камиль Шарипов, лидер-гитарист «10 Дигризли»

Да, это я сказал им не приходить на вокзал. Не хватало еще, чтобы кто-то пустил слезу. Тем более я сам.

Александр Морис Моррис, басист «Моррисон Тринити»

Я как-то спросил, а куда делся Кама? Мы сидели у меня дома, слушали музыку, и я вдруг вспомнил, что давно его не видел. И оказалось, никто не знает. Уже потом, через несколько месяцев, я случайно пересекся в городе с Ноем, и

он рассказал мне, в чем дело. Насчет «правильно – не правильно» – не знаю. В конце концов, уехать вот так – это было решением Камы. А на проводах Борова я, конечно, побывал. Хотя мало что помню, ха-ха. Я был в тотальные дрова.

Петр Лучинин, басист «10 Дигризли»

Боров был активным тусовщиком. Я, Ной и Кама были заморочены на группе в основном. А Боров дружил с огромным количеством людей. Так что, когда он уезжал, на перроне собралась серьезная толпа. Человек сорок, не меньше.

Глеб Боровков, барабанщик «10 Дигризли»

Я никого не приглашал, но вести разошлись, и на перрон приперлась целая толпа. Дико перепугали проводницу. Она решила, что все эти длинноволосые пьяные дети едут в ее вагоне, ха-ха-ха.

Я и сам был не особо трезв. Так что да, когда объявили отход поезда, я разревелся и орал всякую чушь о том, что вернусь, и мы снова зададим жару. Но... Вообще-то я прекрасно понимал, что это просто пьяный треп. Возвращаться в Вознесенск было незачем.

Больше незачем...

Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, всегда «Holly Holler»

Ух, как неудобно вспоминать... Я разревелась, как ма-

ленькая девчонка. Не пустила слезу, а именно разревелась. Ведь... Боров был не просто музыкантом «10 Дигризли». Он был душой тусовки. Кто-то однажды назвал его «генератором радости и проблем».

Взрослая жизнь отрезала от нас по кусочку.

Александр «Морис Моррис», басист «Моррисон Тринити»

Все это было как затянувшиеся похороны. Мы распадалась, разбегались и постепенно исчезали из жизни друг друга... Нас связывала любовь к музыке и ненависть к окружающей действительности. Тем летом нам казалось, что любовь у нас отняли. А на ненависти далеко не уедешь.

Однажды, выбив где-то адрес Камы, я сел писать ему письмо. Тогда еще писали бумажные письма. И... я просидел перед пустым листом кучу времени. Мне совершенно нечего было написать. Понимаешь? Не происходило ничего, о чем я мог бы написать чуваку из «Холеры».

Ольга «Туска» М., клавишница «Моррисон Тринити»

Я перестала видаться с большинством из тех, кого встречала в «Холере». Нам не о чем было говорить, тупо ничего не происходило. В конце концов я просто отошла от тусовки, ушла из «Тринити». Понятия не имею, где и кто сегодня. Кроме Монка, конечно. Да мне и не интересно. Не хочу ни-

кого обидеть, но все эти люди были интересны только в стенах «Холеры».

Монк, басист «Kwon», «Broken Flowers»

Группы распадались одна за другой. На самом деле это логично. В их существовании больше не было смысла. Тот, кто на что-то надеялся и имел хоть какие-то деньги, пытался прорваться в Москву. Но большинство не могло себе этого позволить.

«Kwon» продержались до конца года и даже дали несколько концертов на разных площадках. Но с каждым разом приходило все меньше народу. На последний концерт пришло всего десять человек. И мы решили: «Да пошло оно все!» К тому же, нашему вокалисту пришлось свалить к родственникам в Плес, потому что им плотно занялся военкомат.

В этом плане я даже завидую «дигризам». В их распаде было хоть что-то трагическое. А мы просто стухли. Все было довольно уныло, на самом деле.

Антон «Плешка» Плеханов, музыкальный аналитик портала «Actual News»

Название клуба «Holly Holler» можно перевести как «святой вопль». На деле это игра слов, обыгрывающая псевдоним хозяина клуба, Максима Холеры. Два года существования клуба можно смело назвать «Эпохой крика».

Осенью 1995 года в городе Вознесенске началась эпоха ти-

шины, продолжающаяся и по сей день.

**Ольга «Линда» Новикова, одноклассница Ноя, за-
всегдай «Holly Holler»**

Несколько лет спустя, то ли на втором, то ли на третьем курсе университета, я узнала о том, что в городе проводится фестиваль «Рок-весна». К тому времени я совершенно отошла от тусовки, но мне, конечно, стало интересно, кто из старых команд будет участвовать в фестивале. Я нашла список, и оказалось, что никто. Их просто уже не было.

И еще важный момент. На афише «Рок-весны» было написано: первый вознесенский рок-фестиваль. Такие дела. Как будто и не было никакого «Last Holler».

Диана «Ди» Саратов

Ной вылетел из универа, потом получил повестку. Он пришел в парк и сказал нам об этом. Я спросила, будет ли он бегать, или найдет деньги для отмаза. Он сказал, что денег для отмазки у него нет, а убегать смысла не видит. В августе его забрали в армию.

Петр Лучинин, басист «10 Дигризли»

Большую часть того лета мы провели в парке «1812 года». Там были заброшенные аттракционы, ржавые и забытые, всякие «Орбиты», «Московские горки», «Ромашки» и т. д. В парке собиралась небольшая компания осколков «Холеры»:

Ной, я, Ди, Муха, Морис. Иногда приходили Монк, Линда и совсем уж редко Туска. Потом Ноя забрали в армию.

Потом... Потом я, к своему удивлению, увлекся историей и закончил университет. После армии Ной возвращался в город несколько раз, но именно в те моменты, когда меня там не оказывалось. Видимо, у вселенной действительно были свои планы на наш счет. А потом он перестал приезжать. Но однажды он мне позвонил и спросил, не хочу ли я переехать в Москву. Он сказал, что собирает новую группу и ищет басилу. А я ответил что-то вроде: «Чувак, это уже в прошлом». И не поехал. Жалею ли? Ну как сказать. Иногда хочется застрелиться, а иногда я думаю, что поступил правильно. Не знаю... Что сделано, то сделано.

Диана «Ди» Саратова

Для меня эта тусовка в парке была последним воспоминанием, так или иначе связанным с «Холерой». Когда начались дожди и похолодало, мы уже не могли там собираться. Потом стали видаться все реже и реже, и, в конце концов, перестали совсем. Вот и все.

Из текста «Fear of Silence»

Мы выросли и учились молчать
Родители звали нас домой
Но дома так тихо
Мама, можно я погуляю еще немного

Февраль 2016, Дюнкерк, Франция

В блиндаже тепло. Есть печка, тушенка и вода. Есть сигареты. Есть тяжелая, бетонная крыша. Вообще-то это не блиндаж. Это подвал под жилым домом, сметенным во время налета авиации одной из армий. Не знаю, какой, и не знаю, когда. Мне плевать, дома уже нет, и ничего не исправить.

На грязной побелке стен потускневшие детские каракули. То ли собака пытается кого-то съесть, то ли кто-то пытается съесть собаку. Пуля валяется на шинели под каракулями и что-то пишет в старой, все время норовящей свернуться в трубочку тетради. На обложке – фигуристая блондинка с серфовой доской под мышкой вышагивает по залитому солнцем пляжу. Смотреть на блондинку не хочется. И на детские каракули смотреть не хочется. Хочется есть.

Букса ушел с интендантом разгружать грузовик с картошкой. Я хочу смотреть на картошку. Никогда бы не подумал, что однажды буду лежать в подвале и искренне мечтать о картошке, в подробностях представляя, как беру ее из котелка, как чищу, как солю и как ем, зачерпывая ложкой тушенку прямо из банки и запивая кипятком.

– Что пишешь?

Пуля поднимает глаза от блокнота, некоторое время смотрит

рит на меня взглядом человека, который секунду назад был в другом времени и другом месте. Наверное, там было приятно смотреть и на детские каракули, и на блондинок.

– Эй, парень, – машу я рукой, – я тут. Что ты пишешь?

– А... Да так, просто кое-что.

– Просто кое-что?

– Бегун, отвали. Какая тебе разница?

Бегун. Я и правда чертовски быстро бегаю. Может, потому я все еще живой? В студенчестве я выступал за команду института, был неплохим спринтером. На войне ни одна из дисциплин, которые я изучал в институте, мне так и не пригодилась. Только бег.

– Да скука смертная, – вздыхаю я. – Думал, может, прочитаешь?

– Может и прочитаю. Но не сейчас.

– А когда?

– Когда закончу. Может, через месяц. Или через два.

– Поэму сочиняешь?

– Типа того. О пользе пьянства и вреде моральных принципов. Знаешь рифму к слову «напейся»?

– Побрейся. Залейся. И хоть займись. Все равно ни на что не надейся.

– Неплохо. Будет эпитафией.

Рота «Динго» вот уже две недели отсиживалась в тылу под Дюнкерком. «Динго» под Дюнкерком. Если бы я писал поэму, то назвал бы ее только так.

На линии фронта наступило временное затишье, тревожное и ничего хорошего не предвещающее. Война не любит тишину. Это как лед и огонь. Взаимоисключающие вещи. Если на войне стало тихо, а миром даже близко не пахнет — значит, следует ждать самого дерьмового варианта развития событий.

Но мы сидим глубоко в тылу и стараемся не думать о том, что творится на передовой. Подумаем, когда нас туда отправят. Сейчас есть крыша над головой. Этого достаточно.

Благодаря ежедневным теоретическим занятиям с сержантом Роудом нам известно, что Исламская Коалиция, с которой мы воевали за эту часть Европы, получила ощутимый пинок под зад от десанта Армии Ислама, высадившегося на голландском побережье четыре дня назад. А еще есть сведения, что со стороны Испании идет большой морской караван Зеленых Воинов Пророка, который то ли присоединится к одной из вышеобозначенных армий, то ли собирается атаковать обе. Самое время вроде бы ударить и нам, пока ИК ослаблена. Но командование молчит. А мы отлеживаем бока под Дюнкерком.

И знаете что? Нас это вполне устраивает. Мне нравится думать о картошке и не нравится думать о том, как выжить в следующие несколько минут. Будь моя воля, я бы и на занятия эти не ходил. Но с Роудом лучше не связываться. Говорят, перед назначением к нам ему светило повышение и чуть ли не штабная должность где-то в тылу. Будто бы он

уже и вещи собрал. Но сержант Благо поймал головой пулю станкового пулемета в рочестерском лесу, и все у Роуда обломилось. Его назначили к нам новым сержантом, и теперь он вымещает злобу на всех, кто попадаетеся ему под руку. Я не собираюсь давать ему лишний повод наорать и отправить меня в дозор, или толчки чистить, или к черту на рога с нахрен никому не сдавшимся донесением. Потому что и там, и здесь я буду хотеть есть. Но здесь никто не пытается меня убить. А это единственная разница, которая имеет значение на войне.

Я сижу за столом и завидую то ли собаке, которая кого-то ест, то ли кому-то, кто ест собаку. Можно, конечно, открыть тушенку, но не хочется разрушать собственную мечту. Я думаю о блондинке. О том, как она, набегавшись по пляжу, забегает в ближайший бар и лениво заказывает огромный, истекающий соусами гамбургер, обложенный еще горячими брусками картофеля, присыпанного зеленью и кольцами лука... Меня начинает подташнивать от голода, бессилия и отсутствия веры.

Со стороны лестницы доносится грохот. Только один человек может издавать столько шума всего двумя ногами, просто спускаясь по лестнице.

– Надеюсь, в мой желудок сегодня попадет что-нибудь кроме соевой тушенки, – замечает Пуля, скручивая тетрадь в трубочку и запихивая ее в оттянутый карман на колене. Теперь наружу торчат только ноги блондинки.

Мы вскакиваем навстречу картошке, и лица наши освещаются тем особым светом, который приносит не счастье, но его предвосхищение.

Букса не принес картошки. Букса принес дурные вести. Караван Зеленых Воинов Пророка прошел, не задерживаясь, мимо позиций Исламской Коалиции, и высадил десант на фланге Объединенной Армии. Полторы тысячи отборных бойцов под зеленым знаменем неслись во весь опор к Дюнкерку, практически не встречая сопротивления. Все основные силы ОА сейчас были на передовой. На пути десанта стояли только обозники и госпитали.

– К утру здесь будет передовая, – мрачно констатирует Букса.

Но к утру здесь уже не будет передовой. Половина Дюнкерка будет разрушена. Наши основные силы – разбиты объединенными силами Исламской Коалиции и Армии Ислама. А сами мы начнем отступать куда-то в сторону Голландии. В ту ночь две трети Объединенной Армии будет уничтожена. А из всей роты «Динго» выживут лишь семеро. И трое из них – мы.

– То есть картошки ты не принес? – спрашивает Пуля, снова садясь на койку. – Букса, на тебя, блядь, вообще можно положиться?

Часть 2

Это было весело

Из текста «It Was Fun»

Кто-то придумал для всего названия
Кто-то очень умный
В очках и с большим молотком
Он ходил и приколачивал таблички
А мы крались за ним и срывали все это дерьмо
Было весело

Кирилл «Муха» Царев

Я думаю, что, дембельнувшись из армии, Ной получил что-то вроде контузии. Другая страна, другие люди, другие деньги, новые правила, а старые правила в большинстве своем уже отмерли... Мы с Ди встретили его вечером того же дня, когда он вернулся. Ной сказал, что чувствует себя как волос в супе. Что-то о том, что так долго хотел вернуться домой, в Вознесенск, а оказалось, по сути, что того города, из которого он уехал два года назад, уже и нет.

Из документального фильма «Broken Gen», канал BBC.

Ной: Что я увидел? С одной стороны, жить явно стало проще. Этой был конец девяностых и самый адский раш прошел. Но с другой... как будто ушло что-то важное. Первая половина 90-х была дерьмовым временем, тут даже говорить не о чем. Но она была... не знаю, настоящей, что ли. А этот новый мир, в который я вернулся после армии, был похож на жалкую пластиковую подделку. «...пластмассовый мир победил». То есть вроде бы основные черты сохранились, но их как будто обточили надфилем, перекрасили, подменили на хреновую, но зато обновленную копию. И самое поганое – это грязь. Город и раньше особенной чистотой не отличался, но в 98-м стал настоящей помойкой. Всем было наплевать на это. Люди просто привыкли к дерьму под ногами и не замечали его. Но я-то только что вернулся... Я ничего кроме дерьма и не замечал.

Репортер: Можно ли считать это тем самым переломным этапом?

Ной: Одним из – безусловно. Дело не в том, что нас сломало. Дело в том, что нас ломало постоянно. И это стало нашей средой обитания.

Ольга «Линда» Новикова

Я была на последнем месяце беременности, вот с таким вот животом. Сидела дома. Вдруг звонок. Открываю, а там какой-то кабан с лысой башкой. Ну, думаю, все, бандюги по мою душу пришли. Начала лихорадочно соображать, кому

задолжала, ха-ха-ха.

А потом этот кабан говорит: «Линда, это я, Ной».

По прошлой жизни он помнил: Линда знает все и обо всех. Вот и пришел ко мне.

Но два года – это два года. А когда тебе всего двадцать лет, это огромный отрезок времени. На все его вопросы я отвечала только: не знаю, не видела, не помню... Я ведь выпала из той жизни почти сразу после того, как Ноя забрали в армию. А последние месяцы и вовсе почти не была в городе. У меня был такой арбуз вместо живота, что я еле доползала до лавки во дворе.

Кирилл «Муха» Царев

Когда мы встретились, Ной предложил сходить в парк. Мы с Ди начали его отговаривать, типа, чувак, не стоит тебе туда идти. Не в первый день, это точно. Но он настоял. Мы взяли пива, пошли, и там ему все стало понятно. Окончательно. Вместо аттракционов – асфальтовые пятаки прямо в лесу. Сами аттракционы растащили на металлолом... Даже нашу лавочку сперли.

Ной все ходил и ходил там. Не знаю, что он чувствовал... Потом Ной встал на один из этих асфальтовых пятаков и сказал: «Я такой же, как он».

На следующий день он взял билеты в Москву.

Джимми, барабанщик «Broken Flowers»

Было жарко, просто микроволновка какая-то. То есть реально зашкаливало за 30. Я все думал, когда же все это закончится и зарядит нормальный дождь. Ну, вот он и зарядил.

Из статьи «Унесенные ураганом», «Московские вести»

В ночь с 20 на 21 июня Москва испытала на себе необузданную ярость стихии. Ничего подобного в этих широтах не происходило со времен смерча 1904 года. По разным данным, в результате урагана погибло от 8 до 11 человек, различной тяжести ранения получили 150–200 человек. Сильнейшая гроза сопровождалась градом и шквалистым ветром, скорость которого достигала местами 31 м/с. В результате проливного дождя в Москве выпала месячная норма осадков. В городе больше 2000 строений получили повреждения. Повалено множество деревьев. Повреждены кровли Большого театра и Большого Кремлевского дворца. Ветром сорвало кресты Новодевичьего монастыря. По предварительным оценкам, общий ущерб составил более 1 млрд. рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.